
ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)513-284.3

О. И. Лисицына, Н. Л. Пушкарева

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНСКОЙ ЧЕСТИ В РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 76—89

Статья представляет собой гендерный анализ понятия «честь», являющегося одной из ключевых составляющих дворянского этоса. В то время как этические требования, предъявляемые в российском дворянском сообществе к мужчине, концентрировались вокруг его личностных качеств, для женщины понятие «честь» имело сугубо сексуальное наполнение. Не только личная честь девушки и женщины, но и честь всего ее рода и рода мужа зависели от выполнения обязательств по сдерживанию «страстей». Дворянка была не субъектом действия, а объектом мужских манипуляций, но факт этот не снимал с нее ответственности, заставляя лишь ужесточать внутренние табу.

Ключевые слова: гендер, честь, ментальность, женская история, эгодокументы, российская дворянка, конец XVIII — начало XIX в., традиционный гендерный порядок.

O. I. Lisitsyna, N. L. Pushkareva. Notion of female honour in Russian noble culture (late XVIII — early XIX c.)

The system of ideas about honour as one of the key components in the noble culture has been a subject of scientific research many times, but as a rule, the term “nobility” referred only to men. However, the concept “honour”, as well as the consequent ideas about standard behavior, had considerable gender specifics. The article represents the gender analysis of the concept “honour” on the basis of both female and male sources of personal origin, and also didactic and pedagogical treatises and works of fiction of the end of the XVIII —

© Лисицына О. И., Пушкарева Н. Л., 2015

Лисицына Ольга Игоревна — аспирантка Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, lisichka-vokalistka@yandex.ru (PhD student of the Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of Women and Gender Studies Department, the Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

the first half of the XIX c. The ethical requirements imposed by the Russian noble community on men concentrated around their personal qualities (boldness, courage, strength of mind, self-control, fidelity), for the women this concept had only one — sexual — dimension. Not only personal honour of the girl and woman, but also the honour of all her family and the family of the husband depended on the implementation of obligations to control “passion”. The reputation of the honest woman could be affected both by her own and her husband's behavior. The noblewoman was not the subject of action, but the object of men's manipulations, but this fact didn't relieve her of the responsibility, forcing to toughen the internal taboos even more. The system of the social expectations concerning noble women didn't really change, and such requirements formed behavioral model of the Russian noblewoman throughout XVIII — the first half of the XIX c.

Key words: gender, honor, mentality, women's history, ego-documents, Russian noblewoman, late XVIII — early XIX c., traditional gender order.

Честь — одна из основных категорий этики — определяет отношение человека к самому себе и к нему со стороны общества. То, что понятие это исторично, справедливо отметила Н. Ш. Коллман, проанализировав представления о чести, характерные для российского дворянства в ранний период его становления как сословия [Коллман, 1999]. В XVIII в. дворянство было носителем новаций и объектом культурного экспериментирования — соединения западных и исконно русских представлений о чести [Жуковская]. Отечественные авторы, размышляя на эту тему, с завидным упорством центрировали внимание на том, что было важно для аксиосферы мужчин [Козлова; Коллман, 1999; Лотман, 2006; Муравьёва; Семёнова, 1981; Федосюк, 2001], утверждая существование неких гендерно-универсальных дворянских этических установок (эмоциональная сдержанность, сознание собственного достоинства и др.). Особенности содержания понятия «женская честь» в дворянской среде практически не рассматривались.

Нам представляется важным покончить с убеждением, что понятие *чести* может быть гендерно-универсальным в любой национальной культуре, и на примере выявления гендерной составляющей в эволюции представлений о чести и бесчестье в культуре русского дворянства показать значимость раздельного изучения женской и мужской аксиосферы. Без этого разделения не может быть признано существование мужской и женской составляющих в русской национальной культуре и не могут быть полноценно решены современные задачи конструирования этнокультурной идентичности, без чего, в свою очередь, невозможно вести разговор о содержании пресловутых «духовных скреп» нашей отечественной культуры.

***

«Столетье безумно и мудро» — «осьмнадцатое» — вошло в историю российского дворянства как век трансформации поведенческой структуры общества [Алексеева, 2007], которая шла по двум направлениям: совершенствовался государственный и общественный этикет и создавался новый бытовой порядок с новыми правилами поведения, охватывавшими разные стороны частной

жизни российских дворян. Социальное поведение, и ранее считавшееся связанным с нравственными установками, стало рассматриваться как внешнее проявление внутреннего содержания личности (вслед за западной литературой, которую выписывали прогрессивно мыслящие, в особенности столичные, дворяне) [Грасиан-и-Моралес, 1742; Ле Нобль, 1761; Монкриф, 1788]. Этические требования, предъявляемые в российском дворянском сообществе к мужчинам, концентрировались вокруг личностных качеств (правдивость, учтивость, самообладание, верность слову). Ни в одном из нравоучительных сборников понятие мужской чести не трактовалось как тема верности избраннице (см., напр.: [Тредиаковский, 1787]). О женщинах же «моральные кодексы» того времени почти не упоминали [Трельч, 1773].

Косвенные свидетельства, связанные с историей культуры данного периода, позволяют утверждать, что действительно новым в сравнении с предыдущим веком стало введение в круг «светских добродетелей», составлявших образ идеальной дворянки, набора качеств, ранее не соотносимых с женским образом. Это было, скажем, знание немецкого и французского языков, общительность, любовь к книге, а также традиционные и ранее востребованные обычные качества «доброй жены», известные со времен Средневековья (благоразумие, скромность, доброта, трудолюбие, домовитость) [Пушкарева, 1997b, 1999].

Но самой подразумеваемой составляющей понятия женской чести являлась в светском и церковном дискурсе европеизирующейся России составляющая сексуальная. На всем протяжении развития права и этикета требование сохранения невестой девственности до вступления в брак и женской верности в браке оставалось основой основ ожидаемого и предписываемого женского поведения [Пушкарева, 2008: 6]. В этом не было этнокультурной исключительности: данное требование являлось универсальным для множества средневековых и новоевропейских обществ [Фуко]. Но в среде российского образованного сословия подобные установки имели связанность с практикой социальной изоляции женщин благородного происхождения: их «теремное затворничество» в допетровской Москве было распространено задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям, составленным в Европе и переведенным на русский язык в XVIII в. В русской крестьянской среде, где у представителей обоих полов господствовал природный натурализм в отношении к сексу, понятие «почестности» как сохранения невинности имело сугубо физиологический смысл [Кон; Пушкарева, 2009a, 2009b]. «Почестность» в дворянском обществе имела — как мы сейчас докажем — несколько расширительное и символическое значение. По мере того как в крестьянской среде строгость запретов на добрачные связи на протяжении столетий слабела, в среде «просвещенной» она почти не менялась. В контексте дворянской системы представлений о девичьей чести оказывался значимым не только сам факт потери девственности или прелюбодеяния замужней, но и обширный ряд действий и поступков, говорящих о потенциальной угрозе для женской чести, маркируемых как недопустимые в рамках социально поощряемого поведения. Подразумеваемости и намека было достаточно для насмешки и осуждения; эвфемистичность понимания чести/бесчестия была порождением нового стиля поведения благородного сословия, типичного для XVIII столетия и позднейшего времени.

На этот вывод наталкивает контент-анализ эгодокументов конца XVIII — начала XIX в., в частности дневника известного всем пушкинистам Алексея Николаевича Вульфа (соседа, приятеля и адресата писем поэта) и его кузины Лизы. История сексуальной культуры высших слоев российского общества — тема, наименее представленная в исследованиях. Но эти сюжеты необходимы для характеристики широты и пределов любовных отношений, типических для поведенческой культуры эпохи ампир и русского романтизма. Так, основываясь на тексте дневника соблазнителя (А. Н. Вульфа), можно сделать вывод о том, что его избранница считала вышедшей себя за строгие рамки дозволенного («полностью отдавшейся»), даже когда с физиологической точки зрения это было не так. «Я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности, однако не касаясь девственности. Это было в моей власти... ибо она сама... желала быть совершенно моею и считала себя такою» (курсив наш. — О. Л., Н. П.) [Вульф].

Можно объяснять подобное поведение девушки ее сексуальной непросвещенностью. Невзирая на то что смолоду от нее требовали «блности себя», никого не заботило незнание ею круга допустимого. Боясь лишней информированности «паствы», морализаторы того времени блокировали практически любой доступ к сведениям об особенностях физиологии и сексуальном поведении, даже запрещали девушкам читать французские романы. Юной дворянке практически неоткуда было почерпнуть не только какие-либо эротические, но и самые естественные физиологические познания [Белова, 2010: 262—263]. Дворянская мораль исключала проживание дочек со вдовыми отцами или дядьями: считалось, что от этого пострадает девичья честь. Матери-дворянки избегали говорить с дочками на сексуальные темы, это было нормой и полвека спустя [Пушкарева, 1997а; Чехов, 1895: 166]. Примеры таких признаний многочисленны в автобиографиях («Мне строго-настроено запрещено касаться книг, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения» [Ковалевская]; «...мы... окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочесть запрещенную книгу» [Стерлигова]; «...лампу гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше» [Водовозова]). Любой физический контакт с мужчиной, условно допускавший свидания наедине и поцелуи, уже представлялся девушке потерей чести.

Как не вспомнить в связи с этим вложенные А. С. Пушкиным в уста капитанской дочки Маши Мироновой слова ее отказа Швабрину: «Алексей Иванович, конечно, человек умный... но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что!» [Пушкин, 1986b: 254]. А спустя несколько десятилетий после этих строк всего лишь «съездившая за Волгу» с Паратовым бесприданница Лариса у А. Н. Островского восклицала: «Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?» [Островский]. Человеку XIX в. даже не нужно было намекать на какие-то иные отношения, представляя Ларису в каюте парохода с распущенными волосами (как это сделал Э. Рязанов в «Жестоком романсе»). «Съездить за Волгу» для девушки уже было себя обесчестить...

Характерно, что женские автодокументальные тексты XVIII—XIX вв. вообще не содержат признаний о добрых связях их авторов с мужчинами.

Такое признание могло быть допустимо только на исповеди. Но... судя по мужским текстам, подобного рода вольности между влюбленными все же не были редкостью: «Всякой вечер... отправляюсь к ней: она уже в постели. Сажусь, играю, целую ее в губы, в шею, груди и руками глажу, где мне вздумается... Я опомнился, какие могут быть последствия, за что я [ее] сделаю несчастною; встал и пошел вон» [Загряжский]. Различия в допустимости описания интимных подробностей объясняются двойным гендерным стандартом, существовавшим как на уровне дискурса, так и на уровне практик [Гидденс]. Но такие практики для «благородной девицы» были скорее исключением, нежели правилом, ведь в процессе воспитания ее поведение ставилось под контроль со стороны гувернанток [Керн; Ковалевская]. Те девушки, что воспитывались вне семьи в пансионах и институтах благородных девиц, все время были поднадзорны товаркам и инспектрисам, никогда не оставлялись одни, им запрещено было находиться в классе наедине с учителем [Водовозова].

Некоторые послабления становились возможными для «просватанной» девушки: ее могли оставлять наедине с женихом («Они целовались и делали все то, что бы она долженствовала делать только с мужем» [Сиповский, 1910: 92]). Внезапный (и все же возможный) отказ жениться или расторжение помолвки женихом наносили удар не только по чувствам девушки, но и по ее репутации. Самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности в этом случае, как и повлиять каким-либо образом на ситуацию, барышня не могла. «Восстановление» ее чести находилось в руках кого-то из близких мужчин, кто определял тяжесть нанесенного оскорбления и мог нивелировать его, например дуэлью. Характерный случай — нашумевшая в 1825 г. дуэль К. П. Чернова, защищавшего честь сестры, с В. Д. Новосильцевым, сделавшим ей предложение, но не спешившим жениться из-за несогласия на брак своей матери [Гордин].

От скандальных ситуаций не были ограждены и замужние дворянки. Но демонстративное ухаживание за уже замужней дамой редко было самоцелью: для социально одобряемых, легитимных практик флирта существовал определенный этикет, адюльтер никто афишировать не спешил. Как правило, женщина служила лишь «поводом», чтобы свести счеты. Объектность ее была для того времени незыблемой; сама себя защитить обиженная не могла и не умела.

Изучение поводов дуэлей «за честь женщины», которые на первый взгляд могли бы дать исключительно ценную информацию о критериях женской чести, обратило нас к плоскости сугубо мужских взаимоотношений. Обвинения в оскорблении женщины или в недостойном поведении замужней дамы (ситуация А. С. Пушкин / Жорж де Геккерн — Дантес) были беспроектным способом «придраться без всякой причины» и составляли «минутное дело, подтвержденное письменным вызовом» [Волконский]. Социальный институт дуэли и связанная с ним щепетильность в вопросах чести [Муравьёва] оказывали таким образом немалое влияние на поведение женщин. Они диктовали им строгие правила пристойности, ведь «неподобающее» поведение могло поставить под угрозу жизнь близкого мужчины (причем за «обиду» женщины мог мстить не только тот, кто «нес за нее ответственность» по родству или свойству, жених или поклонник, но и малознакомый дворянин, как это было с А. С. Пушкиным в Кишинёве в 1822 г. [Гордин]).

Под наиболее строгие нормы сексуального поведения попадали самые юные дворянки, еще не входившие в категорию невест, не вывозившиеся на балы и лишённые возможности участвовать в таких легитимных парасексуальных практиках, как танцы и флирт. В большинстве случаев у них даже вовсе не было возможности как-либо «распорядиться» своей честью ввиду постоянного контроля со стороны взрослых. Девичья честь была фактически отчуждена от девичьих тел: ее контролировали и за нее несли ответственность родственники и/или воспитатели. В этом дворянская культурная традиция имела сходство с крестьянской: в народной свадебной обрядности существовал ряд обычаев, суть которых сводилась к тому, что жених или его родня благодарили именно родителей невесты, если та оказывалась «честной». То есть социально-универсальным был статус родителей как «хранителей чести» дочерей. Эта функция родителей способствовала установлению репрессивных механизмов регулирования сексуальности девушек: сексуальной жизни у воспитанной девушки-дворянки в идеальной модели и быть не могло.

Замужняя дворянка имела несколько больше сексуальной свободы. Сама жизнь рождала ослабление гендерной цензуры (запретов на информацию о сексе и обо всем, что с ним связано), в браке приобретался минимальный сексуальный опыт. Обращение к женским автодокументальным текстам говорит о том, что этот опыт чаще всего был неудачным, травмирующим и приводящим к скорой беременности, исключавшей дальнейшие сексуальные контакты на достаточно долгое время [Белова, 2010: 366—372; Пушкарева, 2006: 23]. Но брак и только брак давал «право» на флирт, считавшийся нормативной практикой межполового общения в светском обществе [Муравьёва].

Замужество могло обозначать и некоторое ослабление внешнего надзора за женской честью. Тот же А. Н. Вульф в своем «Дневнике» похвалялся: «...связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою» [Вульф]. Это не значило, что дворянки, выйдя замуж, становились развратнее: строгие внутренние установки, воспринятые с детства, предписывавшие асексуальность и безусловную верность мужу, были крепки подчас всю жизнь [Лабзина]. А. П. Керн, не любившая мужа настолько, что решила «разъехаться» с ним [Губер, 1990: 156], парировала его суждение о том, что женщине «любовников иметь непростительно, только когда муж в добром здравии», словами: «Какой низменный взгляд! Каковы принципы!» [Керн]. Иной вопрос — как она поступала (для поэта она была не только «гением чистой красоты», но и «вавилонской блудницей» [Пушкарева, Экштут, 1996; Пушкин, 1979: 160]); однако по крайней мере в письменной речи измена мужу была для нее нарушением морально-нравственным.

На наш взгляд, рассматриваемая система запретов и предписаний, направленных на «нормализацию» женской сексуальности, оставалась универсальной и фактически неизменной на протяжении всего указанного периода. Степень следования предписаниям была неодинаковой. Она могла зависеть от социальной среды, от конкретного повседневного окружения той или иной представительницы дворянского сословия, круга ее общения; в столице и в провинции, в «большом свете» [Соллогуб, 1990: 220] и в небольшом дворянском сельском кругу различия между «*comme il faut*» и «*vulgar*» были

в большей степени этикетного характера, нежели этического [Муравьёва]. Дворянство, являвшее собой «узкий замкнутый круг, который создается в значительной степени на основе родственных связей» [Козлова], составляло всего около 1 % населения Российской империи. Но даже в рамках такого узкого общества система поведенческих норм (что для мужчин, что для женщин) являлась универсальной в общих чертах: дворянские семьи были лично или опосредованно знакомы между собой. Это способствовало формированию гомогенной системы ценностей.

Строгость следования нормам сексуальной морали, конструирующим систему представлений о женской чести, часто определялась личными моральными качествами. Женщины, зависимые от внушенных им представлений о запретности разговоров на темы секса, часто рассуждали о мечтаемом в интимной сфере путем передачи и интерпретации чужого сексуального опыта [Головина; Лабзина; Смирнова-Россет, 2011: 32]. В этих рассуждениях чаще всего присутствует налет негативной оценки, если только речь шла не о нормативной сексуальности, понимаемой как отказ женщины от собственной чувственности. Вот в таких случаях «честная женщина» и охотно упоминала собственный интимный опыт, и позитивно оценивала чужой [Керн; Лабзина; Ржевская]. Понятно, что *золотой век частной жизни*, как часто характеризуют век XVIII, был веком плюрализации стилей жизни и индивидуализации сознания [Пушкарева, 2012: 64]. Универсальность описанных выше женских письменных и речевых практик позволяет утверждать, что эвфемизмы были специфичны для «женского письма». Ввиду множественности поведенческих запретов осмысление поступков и поведения «другого» («другой»), таких будоражащих и недозволенных, даже при наличии своего личного интимного опыта было важным механизмом осознания собственной сексуальности и обретения права хотя бы в помыслах быть свободней.

Скажем, графиня В. Н. Головина, воспитывавшая «со снисходительностью, к которой почти обязывали нравы той эпохи» [Валишевский] двух внебрачных детей своего мужа, ни словом не упомянула об этом в своих мемуарах. Зато со скрытым наслаждением и всеми разрешенными в такого рода текстах подробностями (не слишком детальными, на современный взгляд) описывала «бесчестное» сексуальное поведение иных придворных дам, включая свою приятельницу Е. Ф. Долгорукову: «Я вскоре заметила, — не без зависти к товарке признавалась она, — что Потёмкин очень ухаживал за княгиней Долгорукой (так в мемуарах. — *О. Л., Н. П.*). Она сначала некоторое время сдерживалась при мне, но потом... она стала кокетничать вовсю» [Головина]. Желая в собственных глазах как раз считаться и выглядеть «честной женщиной», она ханжески морализировала: «Все было великолепно и величественно, но не удовлетворяло меня. Нельзя наслаждаться спокойно, когда нарушаются принципы. Это было самое неприятное время моей жизни» [Головина].

Женщины-мемуаристки, если говорили о *любви*, то тоже не о своей, предпочитая описывать не пережитое, а известные понаслышке влюбленности и страсти. Это волновало. Живописуя чужие жизни, они, вероятнее всего, сопоставляли их со своими и старались обрисовать себя в лучшем свете. Скажем, в описанной Эделинг истории взаимоотношений М. А. Нарышкиной

и князя Гагарина или в рассказе В. Н. Головиной о графине Радзивилл, которая «пренебрегала *всеми* приличиями по желанию и по влечению», звучали оттенки осуждения. Не оттого ли, что те, кто пересказывал эти сплетни, сами подобных приключений не переживали [Березина, 1894: 684; Головина; Эделинг, 1887: 221]?

Размышления женщины о женщине, оценка степени ее нравственности — это, конечно, отдельная тема в гендерной психологии [Gilligan, 1982]. В данном случае хочется отметить, что осуждался не могущественный Потёмкин, искусивший и соблазвивший молодую женщину, а сама Долгорукова, нарушившая «принципы». Поразительно, что двойственную модель сексуального поведения поддержала (своей непримиримостью) подруга преступившей нормы; трудно удержаться от предположения, что за этим стояла зависть не удостоенной внимания.

Позднее, будучи в свите великой княгини Елизаветы Алексеевны, В. Н. Головина наблюдала ухаживания за ней фаворита Екатерины II П. А. Зубова и подробнейшим образом описала связанные с этим «опасности». В ее строках — развернутое представление о критериях женской чести, о том, что пристало и что не пристало делать, поскольку могло скомпрометировать благородную женщину. Тут уж речь шла не о ровне, а о покровительнице. Посему последняя была показана жертвой грубых посягательств на ее спокойствие и честь. Весьма «возмутительными» В. Н. Головина находила «проделки», в результате которых подстраивались встречи, якобы случайные, на прогулках [Головина]. Сам факт влюбленности Зубова в великую княгиню беспокоил и ее саму, и ее наперсницу: «Ее Величество поместила меня между собой и Великой Княгиней, с которой Зубов не спускал глаз. Великая Княгиня была смущена, и я не могла быть спокойной» [Головина]. Интересно, что, по мнению В. Н. Головиной, уже сама включенность в интригу даже не на первых ролях способна была бросить тень на репутацию благородной женщины: «Нет ничего бесполезнее и опаснее, как обратить внимание молодой женщины на чувство, которое неизбежно должно оскорбить ее». Характерно, что великая княгиня, как считала Головина, благодаря своим «чистоте и благородству» вовсе не подозревала о чувствах Зубова (которые автор мемуаров именовала «оскорбительными»), и так продолжалось до тех пор, пока на них ей не указал ее же муж. Некоторое «повреждение нравов» (о котором сетовал М. М. Щербатов [Щербатов]), понятное дело, ослабило строгости и несколько расширило представления о допустимом (что той же Головиной характеризовалось явно превеличленно, «полной картиной разврата» [Головина]; ср.: [Пушкин, 1986а: 6—7]). Но это же «повреждение» породило другой тип говорения о чувственном без совершения порой недостойных, а потому и *нечестных* женских поступков. «У нее не чувствительное сердце», «...она не умеет поблагодарить за нежные чувства и почтительные ухаживания» (курсив наш. — О. Л., Н. П.) — такого рода соображения приводит В. Н. Головина [Головина]. И в подобных ожиданиях «благодарности за любовь» усматривается куртуазность, связь с европейской традицией восхвалений Прекрасной Дамы [Рябова]. «Благодарностью» знатной и честной женщины могло быть как сугубо этикетное проявление «милости», так и интимная близость с поклонником [Андреева].

Подводя итоги анализа представлений о женской чести в дворянской среде, обратим внимание на то, что для женщины это понятие несло лишь сексуальное содержание. Не только личная честь девушки и женщины, но и честь всего ее рода и рода мужа зависели от выполнения обязательств по сдерживанию страстей. В случае эксцессов девушка и женщина из дворянской среды, совершившие проступок, не имели возможности самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности; все издержки несла она, ее семья или муж. На репутацию «честной» женщины могло повлиять не столько ее собственное поведение, сколько поведение мужчины в отношении ее. Дворянка была не субъектом действия, а объектом мужских манипуляций, но факт этот не снимал с нее ответственности, заставляя лишь ужесточать внутреннее табу. Свою ответственность женщина несла не столько перед собой, сколько перед мужем или семьей в целом, ведь право отстаивания женской чести принадлежало исключительно мужчинам.

В то время как этические требования, предъявляемые в российском дворянском сообществе к мужчинам, концентрировались вокруг личностных качеств (смелость, мужество, сила духа, самообладание, верность слову, отечеству, долгу), женщины были в ином положении. Все дебаты о вопросах чести вращались почти исключительно вокруг их права (точнее, бесправия) распоряжаться своим телом (поэтому в связи с женской честью ключевое место в дискурсе отводилось понятиям непорочности, честности, невинности, готовности и «способности» воздерживаться от сексуальных контактов). Под честью женщины понималось нравственное поведение перед замужеством, а после него — поддержание чести семьи сдержанностью и благоразумием.

Библиографический список

- Алексеева Е. А.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2007. 42 с.
- Андреева О.* Средневековье: культ прекрасной дамы. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/andreeva-kult-damy.htm> (дата обращения: 13.09.2014).
- Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
- Березина Е. Я.* Жизнь моей матери, или Судьбы providения // Исторический вестник. 1894. Т. 58, № 12. С. 681—693.
- Валишевский К.* Предисловие // Головина В. Н. Мемуары. URL: <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (дата обращения: 17.04.2014).
- Водовозова Е. Н.* На заре жизни. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 13.09.2014).
- Волконский С. Г.* Записки. URL: <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (дата обращения: 28.12.2014).
- Вульф А. Н.* Дневник, 1828—1831 гг. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения: 18.02.2015).
- Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. URL: <http://www.twirpx.com/file/57924/?rand=1533257> (дата обращения: 11.12.2014).

- Головина В. Н.* Мемуары. URL: <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (дата обращения: 17.04.2014).
- Гордин Я. А.* Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения: 27.12.2014).
- Грасиан-и-Моралес Б.* Придворной человек. СПб.: [Тип.] при Императ. акад. наук, 1742. 262 с.
- Губер П. К.* Донжуанский список А. С. Пушкина. М.: Интербук, 1990. 280 с. Репринт. воспроизведение изд. 1923 г.
- Жуковская Д.* Модели дворянского поведения: (представление о чести и службе во второй половине XVIII века). URL: http://www.historicus.ru/modeli_dvoryanskogo_povedenia (дата обращения: 21.03.2015).
- Загряжский М. П.* Записки. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2014).
- Керн (Маркова-Виноградская) А. П.* Воспоминания о Пушкине. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 19.12.2014).
- Ковалевская С. В.* Воспоминания детства. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaaya_memoirs.htm (дата обращения: 17.12.2014).
- Козлова Н.* Социально-историческая антропология. URL: <http://www.twirpx.com/file/411505/> (дата обращения: 23.02.2015).
- Коллман Н. Ш.* Проблема женской чести в Московской Руси XVI—XVII вв. // Социальная история, 1998—1999. 1999. С. 205—216.
- Кон И. С.* Клубничка на березке: сексуальная культура в России. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (дата обращения: 24.02.2015).
- Лабзина А. Е.* Воспоминания. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 14.04.2014).
- Ле Нобль Э.* Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. СПб.: [Тип.] при Императ. акад. наук, 1761. 222 с.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство — СПб, 2006. 413 с.
- Монкриф Ф.* Опыт о надобности и средствах нравиться. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1788. 168 с.
- Муравьёва О. С.* Как воспитывали русского дворянина. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения: 15.12.2014).
- Островский А. Н.* Бесприданница. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0190.shtml (дата обращения: 21.03.2015).
- Пушкарева Н. Л.* Женщина в русской семье: традиции и современность // Семья. Гендер. Культура. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997а. С. 177—189.
- Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997б. 330 с.
- Пушкарева Н. Л.* Домашнее образование российских дворянок // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. № 2 (8). С. 54—74.
- Пушкарева Н. Л.* Лев Толстой как зеркало русского секса // Секс и мы. 2006. Осень. С. 18—26.
- Пушкарева Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 3—17.

- Пушкарёва Н. Л.* Позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009а. № 3. С. 88—97.
- Пушкарёва Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009b. № 5. С. 120—134.
- Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М.: Ломоносов, 2012. 212 с.
- Пушкарёва Н. Л., Экиштут С. А.* Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина начала XIX века // Человек в кругу семьи. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 178—204.
- Пушкин А. С.* Письмо А. Н. Вульфу от 7 мая 1826 года // Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10. С. 160.
- Пушкин А. С.* Арап Петра Великого // Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1986а. Т. 3: Проза. С. 3—32.
- Пушкин А. С.* Капитанская дочка // Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1986b. Т. 3: Проза. С. 229—329.
- Ржевская Г. И.* Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской. URL: <http://mikv1.narod.ru/text/RzevRA71K1.htm> (дата обращения: 13.09.2014).
- Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского Средневековья. URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova_tb_women_in_medicaval_times.pdf (дата обращения: 27.04.2014).
- Семёнова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России, первая половина XVIII века. Л.: Наука, 1981. 278 с.
- Ситовский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб.: Тип. С.-Петербург. т-ва печат. и издат. дела «Труд», 1910. Т. 1, вып. 1—2. 950 с.
- Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 416 с.
- Соллогуб В. А.* Большой свет // Дуэль: повести русских писателей / сост., вступ. ст. Н. П. Утехина; послесл. В. В. Дорошевича. М.: Правда, 1990. С. 194—260.
- Стерлигова А. В.* Воспоминания о Екатерининском институте. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.02.2015).
- Тредиаковский В. К.* Истинная политика знатных и благородных особ. 3-е изд. СПб.: [Тип.] при Императ. акад. наук, 1787. 168 с.
- Трельч К.* Женская школа, или Нравоучительные правила для наставления прекраснаго пола, как оному в свете разумно себя вести. М.: [Тип.] при Императ. Моск. ун-те, 1773. 140 с.
- Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта: Наука, 2001. 263 с.
- Фуко М.* Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/11.php (дата обращения: 01.02.2015).
- Чехов А. П.* Замечательные русские женщины: Анна Петровна Бунина // Исторический вестник. СПб., 1895. Т. 16. С. 160—173.
- Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. URL: http://royallib.com/book/shcherbatov_mihail_o_povregdenii_nravov_v_rossii.html (дата обращения: 15.12.2014).
- Эделинг Р. С.* Из записок графини Эделинг // Русский архив. 1887. Кн. 1, № 2. С. 194—228.
- Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1982.

References

- Alekseeva, E. A. (2007) *Diffuziia evropeiskikh innovatsii v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)*: Dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.09 [The European diffusion of innovations in Russia (XVIII — beginning of XX c.): Diss. (Dr. Sc.)], Ekaterinburg.
- Andreeva, O. *Srednevekov'e: kul't prekrasnoi damy* [The Middle Ages: the cult of the beautiful ladies], available from <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/andreeva-kult-damy.htm> (accessed 13.09.2014).
- Belova, A. V. (2010) «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: *Povsednevnaia zhizn' russkoï provintsial'noi dvorianki XVIII — serediny XIX v.* [“Four ages of a woman”: The everyday life of Russian provincial noblewoman XVIII — mid XIX c.], St. Petersburg: Aleteïa.
- Berezina, E. Ia. (1894) *Zhizn' moeï materi, ili Sud'by provideniia* [The life of my mother, of Providence or Destiny], *Istoricheskiï vestnik*, vol. 58, no. 12, pp. 681—693.
- Chekhov, A. P. (1895) *Zamechatel'nye russkie zhenshchiny: Anna Petrovna Bunina* [Wonderful Russian women: Anna Petrovna Bunina], *Istoricheskiï vestnik*, vol. 16, pp. 160—173.
- Ėdeling, R. S. (1887) *Iz zapisok grafini Ėdeling* [From the notes of the Countess of Edeling], *Russkiï arkhiv*, no. 2, pp. 194—228.
- Fedosiuk, Iu. A. (2001) *Chto neponiatno u klassikov, ili Ėntsiklopediia russkogo byta XIX veka* [What is unclear in classic works, or Encyclopedia of Russian everyday life in the XIX century], Moscow: Flinta, Nauka.
- Fuko, M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality], available from http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/11.php (accessed 01.02.2015).
- Giddens, E. *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies], available from <http://www.twirpx.com/file/57924/?rand=1533257> (accessed 11.12.2014).
- Gilligan, C. (1982) *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Golovina, V. N. *Memuary* [Memoirs], available from <http://dugward.ru/library/xviiivek/golovina.html> (accessed 17.04.2014).
- Gordin, Ia. A. *Duëli i duëlianty: Panorama stolichnoi zhizni* [Duels and duelists: A panorama of city life], available from <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (accessed 27.12.2014).
- Grasian-i-Morales, B. (1742) *Pridvornoï chelovek* [Courtier], St. Petersburg: Tipografia pri Imperatorskoï akademii nauk.
- Guber, P. K. (1990) *Donzhuanskiï spisok A. S. Pushkina* [Don Juan list of A. S. Pushkin], Moscow: Interbuk.
- Kern (Markova-Vinogradskaia), A. P. *Vospominaniia o Pushkine* [Memories of Pushkin], available from http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (accessed 19.12.2014).
- Kollman, N. Sh. (1999) *Problema zhenskoï chesti v Moskovskoi Rusi XVI—XVII vv.* [The problem of female honour in Moscow Russia XVI—XVII cc.], *Sotsial'naia istoriia*, 1998—1999, pp. 205—216.
- Kon, I. S. *Klubnichka na berezke: Seksual'naia kul'tura v Rossii* [Strawberry on the birch: Sexual culture in Russia], available from <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (accessed 24.02.2015).

- Kovalevskaja, S. V. *Vospominaniia detstva* [Childhood memories], available from http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya_memoirs.htm (accessed 17.12.2014).
- Kozlova, N. *Sotsial'no-istoricheskaia antropologija* [Socio-historical anthropology], available from <http://www.twirpx.com/file/411505/> (accessed 23.02.2015).
- Labzina, A. E. *Vospominaniia* [Memories], available from <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (accessed 14.04.2014).
- Le Nobl', Ė. (1761) *Svetskaia shkola, ili Otecheskoe nastavlenie synu ob obkhozhdanii v svete* [Secular school, or A father's counsel to his son about the behavior in the world], St. Petersburg: Tipografiia pri Imperatorskoj akademii nauk.
- Lotman, Ju. M. (2006) *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: The life and traditions of Russian nobility (XVIII — beginning of XIX century)], St. Petersburg: Iskusstvo — SPb.
- Monkrif, F. (1788) *Opyt o nadobnosti i sredstvakh nraivit'sia* [Experience on the need and means to like], Moscow: Universitetskaia tipografiia u N. Novikova.
- Murav'eva, O. S. *Kak vospityvali russkogo dvorianina* [As educated of a Russian nobleman], available from <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (accessed 15.12.2014).
- Ostrovskij, A. N. *Bespridannitsa* [Without a dowry], available from http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0190.shtml (accessed 21.03.2015).
- Pushkareva, N. L. (1997a) *Zhenshchina v russkoj sem'e: traditsii i sovremennost'* [A woman in a Russian family: tradition and modernity], in: Tishkov, V. A. (ed.), *Gender. Sem'ya. Kul'tura*, Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossijskoj akademii nauk.
- Pushkareva, N. L. (1997b) *Chastnaia zhizn' russkoj zhenshchiny: nevesta, zhena, ljubovnitsa* [Private life of Russian woman: the bride, the wife, the mistress], Moscow: Ladomir.
- Pushkareva, N. L. (1999) *Domashnee obrazovanie rossijskikh dvorianok* [Home education of Russian noblewomen], *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniia*, no. 2 (8), pp. 54—74.
- Pushkareva, N. L. (2006) *Lev Tolstoj kak zerkalo russkogo seksa* [Leo Tolstoy as a mirror of Russian sex], *Seks i my, Osen'*, pp. 18—26.
- Pushkareva, N. L. (2008) *Seksual'nost' v chastnoj zhizni russkoj zhenshchiny (X—XX vv.): vliianie pravoslavnogo i etakraticeskogo gendernykh poriadkov* [Sexuality in the private life of a Russian woman (X—XX cc.): the influence of Orthodox and Etratic gender orders], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 2 (47), pp. 3—17.
- Pushkareva, N. L. (2009a) *Pozoriashchie nakazaniia dlia devushek v traditsionnoj russkoj kul'ture* [Dishonoring punishment for girls in Russian traditional culture], *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 88—97.
- Pushkareva, N. L. (2009b) *Pozoriashchie nakazaniia dlia zhenshchin v Rossii XIX — nachala XX v.* [Russian women dishonoring punishments in XIX — early XX c.], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 120—134.
- Pushkareva, N. L. (2012) *Chastnaia zhizn' russkoj zhenshchiny v XVIII stoletii* [Private life of Russian woman in the XVIII century], Moscow: Lomonosov.
- Pushkareva, N. L., Ėkshtut, S. A. (1996) *Liubovnye sviazi i flirt v zhizni russkogo dvorianina nachala XIX veka* [Love affairs and flirtations in the life of a Russian nobleman of the early XIX century], in: Bessmertnyj, Ju. L. (ed.), *Chelovek v krugu sem'i*, Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet.
- Pushkin, A. S. (1979) *Pis'mo A. N. Vul'fu ot 7 maya 1826 goda* [Letter to A. N. Wolfe, May 7, 1826], *Polnoe sobranie sochinenij*: in 10 vols, Leningrad: Nauka, vol. 10.
- Pushkin, A. S. (1986a) *Arap Petra Velikogo* [Arap Peter The Great], *Sochineniia*: in 3 vols, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 3.

- Pushkin, A. S. (1986b) Kapitanskaia dochka [The captain's daughter], *Sochineniia*: in 3 vols, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 3.
- Riabova, T. B. *Zhenshchina v istorii zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ia* [A woman in the history of Western Middle Ages], available from http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova_tb_women_in_medieval_times.pdf (accessed 27.04.2014).
- Rzhevskaiia, G. I. *Pamiatnye zapiski Glafiry Ivanovny Rzhavskoi* [Memoirs of Glafira Ivanovna Rzhevskaiia], available from <http://mikv1.narod.ru/text/RzevRA71K1.htm> (accessed 13.09.2014).
- Semënova, L. N. (1981) *Ocherki istorii byta i kul'turnoi zhizni Rossii: pervaiia polovina XVIII veka* [Essays on the history of everyday life and the cultural life of Russia: the first half of the XVIII century], Leningrad: Nauka.
- Shcherbatov, M. M. *O povrezhdenii npravov v Rossii* [On the corruption of morals in Russia], available from http://royallib.com/book/shcherbatov_mihail/o_povregdenii_npravov_v_rossii.html (accessed: 15.12.2014).
- Sipovskii, V. V. (1910) *Ocherki iz istorii russkogo romana* [Essays from the history of the Russian novel], St. Petersburg: Tipografiia "Trud", vol. 1, no. 1—2.
- Smirnova-Rosset, A. O. (2011) *Vospominaniia* [Memories], St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
- Sollogub, V. A. (1990) Bol'shoi svet [Great world], in: *Duel': Povesti russkikh pisatelei*, Moscow: Pravda.
- Sterligova, A. V. *Vospominaniia o Ekaterininskom institute* [Memories of Catherine Institute], available from <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (accessed 25.02.2015).
- Trediakovskii, V. K. (1787) *Istinnaia politika znatnykh i blagorodnykh osob* [True policy a noble and honest persons], St. Petersburg: Tipografiia pri Imperatorskoi akademii nauk.
- Trel'ch, K. (1773) *Zhenskaia shkola, ili Npravouchitel'nye pravila dlia nastavleniia prekrasnago pola, kak onomu v svete razumno sebia vesti* [Female school, or Moral rules for the guidance of the fair sex as that meter in the light to behave reasonably], Moscow: Tipografiia pri Imperatorskom Moskovskom universitete.
- Valishevskii, K. Predislovie [Preface], in: Golovina, V. N. *Memuary* [Memoirs], available from <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (accessed 17.04.2014).
- Vodovozova, E. N. *Na zare zhizni* [At the dawn of life], available from http://az.lib.ru/w/wodovozova_e_n/text_0020.shtml (accessed 13.09.2014).
- Volkonskii, S. G. *Zapiski* [Scrapbook], available from <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (accessed 28.12.2014).
- Vul'f, A. N. *Dnevnik, 1828—1831 gg.* [The Diary, 1828—1831], available from <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (accessed 18.02.2015).
- Zagriazhskii, M. P. *Zapiski* [Scrapbook], available from <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (accessed 02.04.2014).
- Zhukovskaia, D. *Modeli dvorianskogo povedeniia: (Predstavlenie o chesti i sluzhbe vo vtoroi polovine XVIII veka)* [Model noble behavior: (The idea of honor and service in the second half of the XVIII century)], available from http://www.historicus.ru/modeli_dvoryanskogo_povedenia (accessed 21.03.2015).